

Тамара Коваленко

РАССКАЗ

Худ. Харсекин И. И.

I _____

Дождь уже перестал. Но с хмурого, в редких просветах неба нет-нет да и срывались тяжелые капли. Иногда вспыхивали молнии. И тогда на какой-то миг становилось необыкновенно светло. Вишневый сад, выхваченный на мгновение из голубовато-сизых сумерек, блестел как лакированный.

Калитка отворилась. Во двор вошла красная грузная, как бочка, корова. Следом шагал босоногий мальчишка в коротких штанах и стеганке внакидку. Корова на ходу схватила ветку пахучей акации. Пастушок для острастки щелкнул кнутом. От сверкающей лужи полетели брызги. Корова повернула в сарай. Над крышей подпрыгнул черный комок. — Грачонок! — чуть не крикнул от радости Колька. И попятился к забору, чтобы не спугнуть птенца.

А грачонок скок-скок по крыше, взмахнул крыльями и уселся на трубу.

Колька уже посинел от холода, но все не решался двинуться с места. Мать грозилась ему пальцем через окно. Мальчуган спрятался в коридор. Прижавшись лбом к оконному стеклу, он глядел во двор и думал о том, как бы, поймать птенца. А тот сам показался на краю крыши. Вытянув шею, грачонок осторожно заглянул на веранду. Убедившись, что никого нет, перелетел на бельевую веревку, протянутую под крышей, и опасно уставился на прыгающие прищепы.

«Залетит в коридор!» — подумал Колька и отступил в угол.

Грачонок скакнул по веревке и — шмыг в коридор. Колька подскочил и захлопнул дверь.

II _____

Утром о грачонокке знала вся улица. Едва успел Колька выйти за калитку, как шумная босоногая команда устремилась к нему. Впереди — пятилетняя Маруся. Бежит вдоль канавы, оставляя за собой след меж высоких ромашек. Роса так и сыплется с травы и цветов. Красное Марусякино платье мокро до пояса. Санька, брат ее, что-то кричит ей вдогонку. У него штаны подкатаны и ноги до самых колен забрызганы грязью. Скачет на одной ножке и ударяет в ладоши длиннобудылая Танька. И все наперебой галдят — не разберешь что.

Конечно, Колька-то знал, в чем дело. Только так, для солидности, принял непонимающий вид. Его окружили и закидали вопросами. Колька молчал.

Им-то хорошо спрашивать — как да что. А ему какво? Утром мать глянула на шифонер, где ночевал галчонок, и ахнула. Весь в белых да в черных кляксах. И велела тотчас же прогнать птенца. Колька посадил его в сарай под опрокинутую вверх дном старую бочку.

Выслушали ребята товарища и еще больше обрадовались.

— Давайте клетку сделаем, — предложил Санька.

Пошли всей ватагой в сарай. Двери заперли, а солнце так и лезет в щели. Лучи длинные, прямые, как струны. В сарае видно почти как на улице.

Приподняли бочку. Сунул Колька под нее руку, а грачонок цап его за палец, отскочил и грудь колесом выпятил, будто к бою приготовился. Маруся засмеялась.

— Дурная! — крикнул, морщась от досады, Колька.

Маруся надулась и захлопала белесыми ресницами. Губы у нее растянулись, сделались тоненькими и задрожали. Санька рассердился. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь, кроме него, обижал его сестру.

Колька понял, что Маруся ни при чем, и сказал примирительно:

— Думаешь, не больно?

Вскоре все обиды были забыты. Санька, прикусив кончик языка, усердно колотил молотком: делал пол для клетки. Колька, сидя на корточках, мастерил дверь, доставая время от времени изо рта торчащие веером гвозди.

III _____

Окруженный заботой ребят, грачонок, быстро рос.

Он освоился в Колькином дворе, изучил все уголки и лазейки. Мог каким-то только ему да Кольке известным способом проникнуть даже в запертый сарай и выбраться оттуда. Клетки он терпеть не мог. Спал в отдельном от кур углу на шесте.

Утром, когда Колька садился за стол, птенец осторожно просовывал голову в форточку. Убедившись, что еда на столе, тотчас же приземлялся возле тарелки и принимался поспешно клевать.

— Фу ты, наказание, — брезгливо морщилась и отворачивалась мать.

Отец же хохотал в усы и говорил по адресу Кольки:

— Ничего, толще будет.

Не было такого дня, чтобы Колькины друзья не приносили грачонок каких-нибудь лакомств. Птенец, хоть и хорошо знал ребят, а все же еду ни из чьих рук, кроме Колькиных, не брал. И прикасаться к себе никому, кроме хозяина, не позволял. Но поиграть с детьми был горазд. Бывало, соберутся ребята возле Колькиного дома: бегают, кувыркаются по траве. Грачонок смотрит-смотрит на

них откуда-нибудь с верхушки дерева, а потом пролетит над самыми головами ребят — хоть рукой достань — и каркнет во все горло. Детвора за ним, но не тут-то было. Его уже и след простыл.

Как-то заметил Колька, что грачонок зачастил в Санькин двор. Полетит туда, притащит что-то черное, клюнет пару раз, бросит и опять крадется по краю крыши. И снова — нырь вниз. Не вытерпел Колька, влез на крышу сарая. Смотрит, а там куча сушеных слив. Откуда, они? Попробовал — вкусные. «Наверное, мать от меня спрятала», — подумал.

А Санькина бабка носит кизяки в сарай и песню себе под нос мурлычит.

Носила-носила, устала. Вытерла руки передником, подошла к ведру, что стоит рядом с глиняным горшком, присела на лавку. Зачерпнула алюминиевой кружкой воды, поднесла ко рту, а пить-то не стала. Наклонила голову, заглянула в горшок, а он пустой: «Где же сливы?» Удивленно поглядела на ворота и на горшок. Калитка на засов закрыта. Саньки и Маруски нет дома — отцу обед понесли. Поставила кружку с нетронутой водой на лавку и вспоминает: может, я их из печка не вынимала, а только подумала. Подошла к печке, отдернула заслонку, пожалала плечам и стала озираться по сторонам.

IV _____

Однажды Галя сделала такое, после чего Колька и Санька крепко и надолго поссорились.

Под вечер вышла Маруся на пригорок, отца с работы встречать. Отец где-то задержался. Марусяке надоело стоять без дела. Начала она собирать цветы и песни петь. Потом и это занятие ей наскучило. Взмахнула руками, rrr... rrr... заурчала, будто самолет, и пустилась бежать с горы. Понравилась ей такая игра и стала бегать еще да еще. Лицо покраснелось, почти как платье. Белые кудряшки колыхнутся на ветру, словно одуванчики. А Галя это и заметила.

Бежит Маруся с горы. Смотрит — какая-то тень по земле скользнула. «Откуда она

взялась?» Вдруг кто-то как дернет ее за волосы. Подняла голову, грачина разогналась и снова хватить ее по макушке клювом. Маруся кричала.

Выскочила из дому бабка, руки у нее в тесте, трясутся. А с другого конца улицы — Санька. Ноздри на его скуластом лице раздуваются. Схватил камень. А она помахала крыльями и растаяла в небе.

С тех пор перестала Маруся одна по улице бегать.

Санька не мог грачихе простить. Решил наказать ее. Взял старый обруч и сделал из него саблю. Дня три тайно от Кольки точил лезвие, пока не наострил до зеркального блеска. И стал охотиться за Галей.

V _____

Днем стояла нестерпимая духота. Только вечером зори стали прохладнее. Давно отошли вишни, абрикосы; спелые яблоки и груши падали даже от самого легкого ветерка, прямо в помидорные кусты. Огуречные плети пожелтели, а листья местами свернулись.

В небе нет-нет да и появлялись стаи крикливых птиц. Беспокойная тревога слышалась в их голосах.

Ребята все чаще вспоминали о школе. Доставали припылившиеся за лето портфели, внимательно рассматривали новые учебники, чинили карандаши. Одна Маруся по-прежнему беззаботно играла в куклы, возилась с котятками. Ей некуда было собираться. Санька теперь много читал, сидя на крыльце. А под порожками у него хранилась острая сабля, смазанная машинным маслом, чтобы не заржавела.

Сидит в один из таких августовских дней Санька на ступеньках с книжкой, Маруся неподалеку шьет кукле платье. Неожиданно: шшш... над ее головой. Глянула вверх, а это — грачиха. Бросилась Маруся в сени, прижалась к бабушке, заревела. Санька, незаметно достал саблю через дырку в порожках и положил возле себя...

А Колька в этот день ушел с мальчишками за сладкими кореньями в Сухой Яр. Вернулись домой только к вечеру. Видит Колька, мать, нетерпеливо выглядывает из калитки.

«Влетит сейчас, что без разрешения ушел», — думает Колька, виновато улыбаясь.

Неожиданно из-за материнной спины выснулась Танька и отчаянно замахала рукой: дескать, иди же, скорей!

Прибежал Колька домой, видит: Галя сидит, понуряя, на любимой материнской диванной подушке. Нога у нее забинтована марлей. Отец дает ей печенье, а Галя не ест.

Взял Колька Галины пальцы, что лежали на перилах (их отец отрезал, чтобы не болтались), завернул в тряпицу и, положив в карман, подумал: «Такое не пройдет Саньке даром».

VI _____

Как только узнали в классе про Санькину проделку, его сразу же исключили из кружка любителей природы. Вначале он храбрился, делал вид, что ему все равно. Но когда организовали комнату птиц и посторонним не разрешили входить туда, Санька заметно сник.

Раны на Галиной ноге зажили быстро. Только вместо пальцев теперь были округлые култышки. Но искалеченная нога несколько не печалила выросшую за лето, ставшую совсем взрослой грачиху. Она, как и раньше, беспечно разгуливала в небе. Все так же завтракала с Колькой по утрам. Мать уже не прогоняла ее со стола. Напротив, когда сын торопился в школу, старалась накормить Галю.

Как-то вернувшись из школы, Колька написал упражнение на отдельном листке (так велела учительница). За окном свистнули. Колька сунул кое-как листок в портфель, надел пиджак и вышел на улицу.

Галя взлетела на форточку, вытянув шею, повертела головой, видит — в комнате никого нет. Прыгнула на подоконник, потом на стол, где лежал новенький Колькин портфель с блестящим замком, клюнула замок, он ни с места. Стукнула по нему клювом раз-другой, замок шелк и открылся. Крышка портфеля сама

отвернулась. Схватила Галя листок с Колькиным упражнением и улетела.

* * *

А на следующий день что было в классе из-за этого самого листка...

В проходе между партами стояли Санька и Колька, готовые каждую секунду броситься друг на друга.

— Я сам видел, как ты с мальчишками почти сразу после уроков в степь ушел и вернулся поздно вечером,— кричал Санька. — Когда же ты успел написать упражнение?! Обманщик!

— Ты лучше отдай упражнение. Иначе...— понял?— Колька сжал кулаки и в упор уставился на Саньку.

— Тс... с... с... — прошипел кто-то.

Ребята оглянулись. Учитель немигающими глазами смотрел на них. Затарахтели крышки парт, мальчишки заторопились на свои места.

...Летели за днями дни. Колька стал замечать — иногда Галя начинает тосковать. Особенно, когда в небе появится стая горластых грачей. Сидит она иной раз где-нибудь на высоком месте, увидит их и внимательно слушает, как галдят собратья. Взлетит, покружится недалеко от дома, а приблизиться к ним не осмеливается. Заметят они ее и начинают звать: кар-р, кар-р! Да так настойчиво и звонко—от этого крика у Кольки защемит сердце.

Как-то сидел он на веранде, учил наизусть стихотворение. Галя стрелой носилась в небе. Вдруг появились грачи.

— Кар-р-р! Кар-р-р! — призывно кричал один из них и, отделившись от остальных, спустился пониже. Галя не выдержала и ринулась к нему навстречу. Колька испугался, выскочил на дорогу.

— Галя! Галя! — до хрипоты звал он.

Остепенилась, вернулась... Села на калитку, а сама успокоиться не может, все смотрит в небо. Колька достал из кармана специально для нее припасенный кусочек котлеты, сунул ей в рот и нежно приговаривает:

— Дурашка, ты думаешь с ними, с грачами, лучше будет?..

* * *

Велела как-то мать Кольке подмести двор. Метет он и слышит, в огороде, у самого забора, что-то зашуршало. Уж не за репой ли кто? Спрятался за кроличью будку и смотрит через щель в огород. А там Танька присела у забора и во двор заглядывает.

«Что это она?» — подумал Колька и окликнул ее.

А Танька приставила палец ко рту, дескать, молчи. На цыпочках подошла к сараю и закрыла дверь. Подперла ее спиной, сощурила глаза и говорит Кольке: — Воришка твоя Галя.

Колька нахмурился.

— Это почему же?

— Потому,— ответила девчонка с важностью,— пригласительный билет в Дом пионеров стащила и в сарай спряталась. Идем-ка проверим.

Делать было нечего, пошли. Смотрят, Галя из-под дров выглянула и опять спряталась.

— Ну? — ехидно улыбнулась Танька.

Колька молча запустил руку в дрова и как стал вытаскивать оттуда и Танькин билет, и свое упражнение, и десятирублевую бумажку, что летом с комода пропала, и сливы...

Колька, напевая, бежит из школы. Хорошо ему сегодня: помирились с Санькой: Договорились с ним после уроков делать для Гали гнездо на чердаке.

Вот и дом показался с пригорка. Что это? Почему ребята стоят на дороге и, сделав руку козырьком, смотрят в небо?

— Скорей! — машет рукой Танька.

Прямо над Колькиным домом летит шумная стая грачей. Один то отстанет, то снова, присоединится к другим.

Догадался Колька, в чем дело, и стал звать:

— Галя! Галя!

Услышала... Отстала... Начала опускаться. Но повелительный крик вожака будто дернул ее к себе. Взвилась и затерялась среди собратьев.

Ребята принялись кричать хором, а громче всех — Санька:

— Галя! Галя!

Отделилась от стаи и точно замерла, повиснув в воздухе. Ребята стали кричать еще громче:

—Галя! Галя!

Она будто опомнилась, замахала крыльями и спустилась совсем низко. Описала над Колькиным домом круг, а потом вдруг ринулась ввысь и стала быстро уменьшаться. Вскоре совсем растаяла в небе.

— Галя! Галя! — горячо упрашивали с земли.—Но Галя уже не слышала их.